УДК 94:37.07(571.5)"1914/1918"

СОВЕЩАНИЕ 21–22 НОЯБРЯ 1915 Г. О ПРИЕМЕ И РАЗМЕЩЕНИИ БЕЖЕНЦЕВ В ПРЕДЕЛАХ ИРКУТСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА

Олеся М. Долидович^{a, @, ID}

^a Сибирский федеральный университет, 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, 79

@dolidovich@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0003-3364-1528>

Поступила в редакцию 17.06.2018. Принята к печати 20.07.2018.

Ключевые слова:

беженцы, Восточная Сибирь, Иркутское генерал-губернаторство, комитеты помощи беженцам, Первая мировая война.

Аннотация: Статья посвящена совещанию, состоявшемуся 21–22 ноября 1915 г., на котором представители власти, городов и общественных организаций обсуждали вопросы приема и организации помощи беженцам Первой мировой войны в пределах Иркутского генерал-губернаторства. Исследование основано на протоколах совещания и материалах периодической печати, которые введены в научный оборот впервые. Охарактеризованы участники, главные темы, результаты обсуждения. Показано, что власти первоначально не планировали размещать беженцев в столь отдаленном регионе, но из-за переполненности западных областей были вынуждены направлять их далее на восток. Города Восточной Сибири не успели подготовиться к такому массовому переселению. Людей спешно расселяли, организовывали питательные, медицинские пункты, налаживали пайковое обеспечение. На эти цели использовали правительственные субсидии (хотя помощь от казны была минимальной, поступала несвоевременно), ресурсы переселенческого ведомства, Всероссийского союза городов, местных благотворительных организаций. Участники совещания предлагали создать общесибирский комитет помощи беженцам, организовать систему поддержки беженцев на территории уездов, все расходы по содержанию беженцев и выселенцев возложить исключительно на государство.

Для цитирования: Долидович О. М. Совещание 21–22 ноября 1915 г. о приеме и размещении беженцев в пределах Иркутского генерал-губернаторства // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 20–26. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-20-26>.

Усилившийся приток беженцев в губернии Восточной Сибири осенью 1915 г. стал причиной созыва специального совещания 21–22 ноября того же года в Иркутске. На встрече представители местной администрации, городов и общественных организаций обсуждали проблемы, касавшиеся приема и размещения вынужденных переселенцев в пределах Иркутского генерал-губернаторства. Этому совещанию посвящена настоящая статья, поскольку региональный анализ позволяет реконструировать деятельность правительственных учреждений и гражданских ассоциаций по оказанию помощи беженцам в масштабах Российской империи.

В современной отечественной историографии продолжаются дискуссии об общей численности беженцев в Российской империи в 1914–1917 гг., динамике беженских потоков в тыловые регионы [1; 2]. Предметом системного анализа историков стали организационные и правовые мероприятия по органи-

зации помощи беженцам [3–5], влияние беженского фактора на продовольственную ситуацию в стране [6]. За последние годы вышел ряд работ о положении беженцев в Сибири [7–11]. Специалисты довольно подробно освещают подходы к решению беженского вопроса в Западной Сибири. Однако вопрос о положении беженцев в восточносибирских губерниях относится к числу малоисследованных. Можно назвать лишь несколько публикаций, выполненных в русле истории благотворительности [12–15].

Статья базируется на комплексе опубликованных источников. Прежде всего это протоколы иркутского совещания, которые отражают круг участников, обсуждавшиеся вопросы, спорные моменты, общую резолюцию¹. Кроме того, привлечены материалы периодической печати (Иркутские губернские ведомости, Вестник иркутского городского общественного управления, Иркутская жизнь, Сибирская мысль). В годы войны положение беженцев привлекало по-

¹ Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. Иркутск: Электро-типография И. А. Белоголового, 1916.

вышенное внимание населения и прессы, поскольку появление здесь значительного числа вынужденных переселенцев вело к росту цен на продовольствие и товары первой необходимости, жилье, распространению эпидемий.

Точная численность беженцев в Российской империи в годы Первой мировой войны до сих пор не установлена. Их учет вели Центральное всероссийское бюро при Татьянинском комитете и Всероссийский земский и городской союзы. Однако эти структуры регистрировали лишь тех, кто получал пособие. Никто не фиксировал более благополучных в имущественном отношении, а также находившихся в прифронтовой полосе и в дороге, погибших от болезней и голода, высленцев из западных областей. По данным различных исследователей, общая численность вынужденных переселенцев к октябрю 1917 г. составляла от 5 до 7,5 млн человек [4, с. 50–51].

От начала военных действий до середины 1915 г. беженство было стихийным, большинство беженцев оставалось в прифронтовой полосе. Летом-осенью 1915 г. в связи с отступлением российской армии из Польши, Литвы, Галиции их приток в тыловые губернии значительно увеличился: «Основным регионом, принявшим беженцев, стала Европейская Россия, где было сосредоточено около 85 % всех вынужденных мигрантов, <...> на территории Урала разместилось 6,2 % всех беженцев, на Кавказе – 5,5, в Сибири – 2,2, в Средней Азии – 1,3» [2, с. 102]. Беженцы не стремились переселяться в глубь страны, предпочитая оставаться поближе к родным местам, куда рассчитывали в скором времени вернуться.

При Министерстве внутренних дел 30 августа 1915 г. было создано Особое совещание по устройству беженцев, в регионах непосредственным попечением о беженцах занимались земства и городские думы. Помощь им также оказывали общественные и благотворительные организации: Всероссийские земский и городской союзы, Татьянинский комитет, Всероссийское общество попечения о беженцах, национальные ассоциации (польские, еврейские, литовские и др.) [4, с. 51–56]. Государственное казначейство отпускало кредиты на расходы на обеспечение беженцев по запросам должностных лиц и организаций².

Согласно различным исследованиям Азиатская Россия (включая Сибирь, Дальний Восток и Среднюю Азию) до начала 1917 г. приняла до 114637 человек, причем большая часть их осела в Западной Сибири [1]. Более точные данные привести сложно,

поскольку «учет прибывающих в Сибирь беженцев на всех этапах вызывал немало трудностей. Первоначально главной проблемой было огромное и невиданное ранее количество беженцев, и местные власти просто физически не успевали зарегистрировать всех прибывающих. До конца августа 1915 г. беженцы частично учитывались вместе с другими переселенцами, <...> работы по регистрации и учету беженцев стали носить систематический характер только с осени 1915 г.» [9, с. 179].

В Восточную Сибирь крупные партии беженцев поступали в сентябре-декабре 1915 г. Они отказывались расселяться в сельской местности, поскольку знали, что в городах с сосредоточенными в них административной властью и общественными организациями помощь была поставлена гораздо лучше, чем в уездах³. Местные города сразу столкнулись с рядом серьезных проблем – отсутствием средств на оплату питания и проживания людей, дефицитом жилых помещений, столовых, бань, сложностями организации медицинской помощи в условиях острейшего дефицита врачей в регионе и др.

Для обсуждения всех вопросов, связанных с приемом и размещением беженцев, по инициативе Иркутского комитета Всероссийского союза городов 21–22 ноября 1915 г. состоялось специальное совещание. Присутствовали представители администрации иркутского генерал-губернатора Л. М. Князева, иркутского губернатора А. Н. Югана, городов – Красноярска, Ачинска, Канска, Енисейска, Иркутска, Нижнеудинска, Усолья, Читы, Нерчинска, уполномоченные от губернского комитета помощи беженцам, врачи переселенческого ведомства, чиновники Восточного переселенческого района, ведомства переселения и землеустройства, иркутского комитета Красного креста, а также польской, латышской национальных организаций помощи беженцам⁴.

Участники совещания начали с докладов о том, сколько беженцев вместил регион, из каких источников местные власти изыскивали средства на их прием и размещение, об основных проблемах, с которыми пришлось столкнуться. Делегаты от городов Енисейской губернии рассказали, что в Красноярске остановились 3617 человек, Канске – 4295, Ачинске – 1000, Ачинском уезде – 500, в Красноярский уезд выехали 1767 человек, т.е. всего в губернии 11179 человек. Помощь им вначале оказывали местные комитеты Всероссийского союза городов, Общество помощи больным и раненым воинам, затем были созданы комитеты помощи беженцам при городских управах. Города смогли получить субсидий от казны

² Правила отчетности по расходам на мероприятия по обеспечению нужд беженцев, утвержденные министром внутренних дел 27 ноября 1915 года // Иркутские губернские ведомости. 1916. 3 января. С. 1.

³ Беженцы в уездах // Сибирская мысль. 1915. № 88. С. 5.

⁴ Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. Иркутск: Электро-типография И. А. Белоголового, 1916. С. 1–2.

на 80000 руб., поступило частных пожертвований 9760 руб. и от Татьянинского комитета – 6000 руб., была получена ссуда в банке на 10657 руб.⁵

В Иркутской губернии первые беженцы появились в конце июля 1915 г., с августа по ноябрь того же года через иркутский переселенческий пункт прошли 15611 человек. Из них в Иркутской губернии остались 7711, проследовали далее в Забайкалье – 1812, и еще 6088 – в Приамурье и Маньчжурию. Переселенческий пункт снабжал беженцев хлебом, чаем, сахаром, горячей пищей и выдавал продукты с собой в дорогу, оказывал медицинскую помощь, работала баня. Чиновник иркутского переселенческого района И. Н. Баранкевич доложил, что помощь беженцам оказывалась за счет переселенческих кредитов. Согласно его расчетам Иркутская губерния могла принять еще не более 2500 человек.⁶

Представители всех городов указывали на тот факт, что власти первоначально не планировали направлять беженцев в Восточную Сибирь, поэтому городские самоуправления оказались не готовыми к ситуации, которая приобрела для них характер чрезвычайного бедствия. Ни один город не располагал достаточным количеством средств: «Как общее правило, организации помощи беженцам начинали дело на исключительно местные, весьма скромные средства и нередко этими средствами должны были долго обходиться, потому что ассигнования извне поступали с большими запозданиями и нерегулярно»⁷.

Прежде всего, было необходимо решить вопрос о размещении беженцев. Когда прибывали небольшие партии, людей расселяли по квартирам, но после того, как они хлынули буквально потоком, подыскивать подходящее жилье не успевали. Их селили на переселенческих пунктах, в бараках, общественных зданиях, кинотеатрах и т. п. Скученность и антисанитарные условия способствовали эпидемическим заболеваниям. Разгрузить бараки за счет расселения беженцев по квартирам в условиях восточносибирских городов не было возможности из-за отсутствия фонда свободного жилья⁸.

На предложение выехать в уезды приглашенные на заседание представители беженцев выражали отказ. Они боялись замерзнуть там без дров предстоящей зимой. К тому же в городе они получали пособия, была доступна медицинская помощь, дети могли ходить в школу. В результате участни-

ки совещания постановили переселять беженцев в сельскую местность только добровольно, в городах построить несколько дополнительных бараков на случай нового наплыва людей.

При организации питания в одних городах (например, в Иркутске, Красноярске) предоставляли пищу в готовом виде, в других (Чите, Верхнеудинске) – выдавали деньги. Вначале стоимость обеда одного человека составляла 20–22 коп., позднее – 10–15 коп. Большинство участников совещания высказались против раздачи денег на руки беженцам – многие из них начинали экономить, питались крайне скудно. В результате постановили продовольственную помощь оказывать только пищей в готовом виде или продуктами⁹.

Крайне сложным был признан вопрос об организации трудовой помощи. Опыт работы городских бюро труда показал, что большинство прибывших были крестьянами, их трудоустройство в городе осложнялось отсутствием подходящих профессиональных навыков. Кроме того, работодатели использовали тяжелую жизненную ситуацию беженцев и при найме назначали им жалованье гораздо ниже, чем обычно. В результате общее мнение склонилось к выводу о том, что нельзя принуждать людей к труду, иначе они будут вынуждены браться за работу на любых условиях¹⁰.

Местные власти не могли в полной мере удовлетворить потребности беженцев в медико-санитарной помощи. Первоначально в течение нескольких недель люди находились на переселенческих пунктах, выдерживался карантин. Но когда хлынула волна переселенцев, у врачей не было возможности проводить даже поверхностное медицинское освидетельствование. Начались эпидемии (корь, скарлатина, дифтерит, тиф и др.), больницы были переполнены. Врачебно-санитарные комиссии посещали убежища и осматривали больных, однако существовала необходимость содержать штат врачей для постоянной работы с беженцами. Представители городов констатировали, что на это не было средств, как и на организацию санитарных заслонов, строительство новых больниц.

Значительный процент беженцев составляли дети. Согласно циркуляру министра народного просвещения, они должны были продолжать обучение на новом месте поселения. Однако власти констатировали, что устроить в школы и ясли всех детей

⁵ Там же, с. 2.

⁶ Совещание о беженцах // Иркутская жизнь. 1915. 23 ноября. С. 2.

⁷ Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. Иркутск: Электро-типография И. А. Белоголового, 1916. С. 3.

⁸ В. С. Беженцы в Иркутске // Вестник иркутского городского общественного управления. 1915. № 10–12. С. 32–33.

⁹ Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. Иркутск: Электро-типография И. А. Белоголового, 1916. С. 9.

¹⁰ Совещание о беженцах // Иркутская жизнь. 1915. 25 ноября. С. 3.

беженцев не получится из-за отсутствия финансов. Для решения этой проблемы были необходимы общегосударственные меры.

Беженцам требовалась также юридическая помощь, поскольку правительство обещало им выплаты за реквизированное имущество. В спешке перед отъездом многие не успевали получить специальные квитанции и описи, однако очевидцы могли засвидетельствовать факт изъятия у них имущества. Местные юридические комиссии записывали их показания и оформляли документально – это давало беженцам надежду, что в будущем они смогут рассчитывать хоть на какую-то компенсацию от властей¹¹.

Особый вопрос – тяжелое положение выселенцев. Так называли жителей прифронтовой полосы и оккупированных русской армией территорий, которые, по мнению военного командования, могли предпринимать диверсионные действия в пользу противника и выходцев из враждебных России государств. Их выселяли в наиболее отдаленные местности Томской, Енисейской, Иркутской губерний. До апреля 1916 г. в Сибирь прибыло более 14000 выселенцев [16, с. 206].

Пособия от казны они не получали, могли рассчитывать только на помощь благотворительных организаций. Делегат от Енисейска, представитель еврейского общества Б. Е. Гольдман рассказал, что они были совершенно не приспособлены к суровым сибирским условиям – прибывали в одной летней одежде, помощь оказывать им чрезвычайно трудно ввиду огромных расстояний¹². В Енисейске еврейская община помогала только выселенцам-евреям. В Иркутске первых выселенцев вначале поместили в тюрьму, но затем пришло распоряжение считать

их беженцами. Заботу о них также взяла на себя местная еврейская организация, поскольку почти все они были евреями¹³.

По итогам совещания его участники констатировали необходимость создания общесибирского регионального комитета помощи беженцам для объединения усилий городов, усиления помощи беженцам в уездах. Кроме того, пришли к выводу, что в деле помощи беженцам «прошло время частной благотворительности», население практически не откликалось на призывы о пожертвованиях. Все расходы по содержанию беженцев и выселенцев правительство должно взять на себя: «Ясно, что это бедствие, с которым должно бороться само государство не только потому, что одно лишь государственное казначейство может вынести те колоссальные расходы, которые требуются для оказания беженцам самой элементарной помощи, но и потому, что государство морально ответственно за все то, что сделано правительством с беженцами»¹⁴.

Таким образом, результаты совещания со всей очевидностью продемонстрировали, что бюджеты восточносибирских городов не выдерживали расходов по содержанию беженцев. Проблему решали, используя правительственные субсидии, ресурсы переселенческого ведомства, Всероссийского союза городов, местных благотворительных организаций. Тем не менее региональная инфраструктура (жилищная, транспортная, медицинская, образовательная, социальная) была настолько неразвита, что не позволяла принять значительное число беженцев, обеспечить им возможности для обустройства и жизни. Единственный выход местные власти видели в том, чтобы переложить все расходы на правительство.

Литература

1. Курцев А. Н. Беженцы Первой мировой войны в России // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.
2. Михалев Н. А., Пьянков С. А. Беженцы Первой мировой войны в Российской империи: численность, размещение, состав // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 95–105.
3. Гетрелл П. Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4. С. 46–72.
4. Туманова А. С. Организационно-правовое обеспечение беженства в годы Первой мировой войны // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 1. С. 50–59.
5. Белова И. Б. Беженцы Первой мировой войны из западных районов Российской империи: обеспечение жизнедеятельности в местах временного проживания // Вестник балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 12. С. 51–62.

¹¹ Совещание о беженцах // Иркутская жизнь. 1915. 24 ноября. С. 3.

¹² Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. Иркутск: Электро-типография И. А. Белоголового, 1916. С. 27.

¹³ Совещание о беженцах // Иркутская жизнь. 1915. 25 ноября. С. 3.

¹⁴ Протоколы совещания по вопросам призрения беженцев, состоявшегося 21–23 ноября 1915 г. в Иркутске. Иркутск: Электро-типография И. А. Белоголового, 1916. С. 65.

6. Оськин М. В. Беженцы Первой мировой войны (1915 – февраль 1917 г.): гуманитарно-продовольственная проблема российской провинции // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2015. № 25. С. 199–203.
7. Еремин И. А. Деятельность органов власти и общественных организаций Алтайского округа по размещению беженцев и оказанию им помощи в годы Первой мировой войны // Проблемы исторической науки и социогуманитарное образование. Научно-методический альманах. Барнаул: Издательство БГПУ, 2002. Вып. 1. С. 74–83.
8. Нам И. В. Численность и национальный состав беженцев в Сибири в годы Первой мировой войны // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Четвертые научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. Барнаул, 2003. С. 276–278.
9. Щетинина А. С. Беженцы и гражданские интернированные на юге Западной Сибири (1915–1920-е гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-2. С. 177–182.
10. Рынков В. М. Социальная мобильность в годы Первой мировой войны: специфика Азиатской России // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 27–32.
11. Кузьменко А. С. Сибирский тыл и «недобровольные» мигранты в годы Первой мировой войны // Сибирь в войнах начала XX века: материалы Сибирского исторического форума (3–6 декабря 2013 г.). Красноярск, 2014. С. 119–122.
12. Мантурова С. Ч. Социальная помощь и поддержка беженцев в Забайкалье в годы Первой мировой войны // Сибирь в годы Великой российской революции (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции): материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Улан-Удэ, 2017. С. 14–28.
13. Катцина Т. А. Социальная помощь беженцам Восточной Сибири в период Первой мировой войны // Россия в мировом сообществе цивилизаций: история и современность: IV Международная научно-практическая конференция (1–30 апреля 2008 г.). Пенза, 2008. С. 114–117.
14. Ростов Н. Д., Горелов Ю. П. Прием беженцев в г. Иркутске и Иркутской губернии в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2015. № 4. С. 86–89.
15. Dvoretzskaya A. P., Zhulaeva A. S., Luschaeva G. M. Refugees in the Rear Area of the World War I (on Example of Enisey's State) // Былые годы. 2016. № 42. С. 1360–1367.
16. Катцина Т. А. «Нуждаемся во всем»: положение выселенцев Первой мировой войны в Восточной Сибири // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2013. № 4. С. 204–207.

THE MEETING OF 21–22 NOVEMBER, 1915, ABOUT THE RECEPTION AND ACCOMMODATION OF REFUGEES IN THE IRKUTSK GOVERNORATE GENERAL

Olesya M. Dolidovich^{a, @, ID}

^a Siberian Federal University, 79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russia, 660041

@dolidovich@mail.ru

^{ID} <https://orcid.org/0000-0003-3364-1528>

Received 17.06.2018. Accepted 20.07.2018.

Keywords: refugees, Eastern Siberia, Irkutsk governor-general, refugee assistance committees, First World War.

Abstract: The article features the meeting held on November 21–22, 1915, where representatives of the authorities, municipal and public organizations discussed the issues of assistance to World War I refugees on the territory of the Irkutsk Governorate General. The study is based on the previously unstudied meeting minutes and the newspaper reports and describes the participants, the main issues, and the results of the discussion. The research made it obvious that initially the authorities did not plan to accommodate the refugees in such a remote region but were forced to redirect them farther east because the western regions were overcrowded. The cities of Eastern Siberia did not have time to prepare for such a massive resettlement. The migrants were hastily resettled, provided with rations and medical assistance. The money, however minimal and irregular, came mostly from the government, the department of migration, the All-Russian Union of

Cities, and local charitable organizations. At the meeting, it was proposed to set up a general Siberian Committee for Assistance to Refugees, to organize local refugee departments, and assign all expenses to the state.

For citation: Dolidovich O. M. Soveshchanie 21–22 noiabria 1915 g. o prieme i razmeshchenii bezhentsev v predelakh Irkutskogo general-gubernatorstva [The Meeting of 21–22 November, 1915, about the Reception and Accommodation of Refugees in the Irkutsk Governorate General]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3 (2018): 20–26. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-3-20-26>.

References

1. Kurtsev A. N. Bezhtentsy Pervoi mirovoi voyny (1914–1917 gg.) [Refugees of the First World War (1914–1917)]. *Voprosy istorii = Questions of history*, no. 8 (1999): 98–113.
2. Mikhalev N. A., Pyankov S. A. Bezhtentsy Pervoi mirovoi voyny v Rossiiskoi imperii: chislennost', razmeshchenie, sostav [World War I Refugees in the Russian Empire: number, placement, composition]. *Ural'skii istoricheskii vestnik = Ural Historical Journal*, no. 4 (2015): 95–105.
3. Getrell P. Bezhtentsy v Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny [Refugees in Russia during the First World War]. *Istoricheskie zapiski = Historical Notes*, no. 4 (2001): 46–72.
4. Tumanova A. S. Organizatsionno-pravovoe obespechenie bezhenstva v gody Pervoi mirovoi voyny [Organizational and legal support for refugee during the First World War]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Iuridicheskie nauki = Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Juridical sciences*, no. 1 (2013): 50–59.
5. Belova I. B. Bezhtentsy Pervoi mirovoi voyny iz zapadnykh raionov Rossiiskoi imperii: obespechenie zhiznedeiatel'nosti v mestakh vremennogo prozhivaniia [World War I refugees from the western regions of the Russian Empire: Sustaining life in the places of temporary residence]. *Vestnik baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta = Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant*, no. 12 (2013): 51–62.
6. Os'kin M. V. Bezhtentsy Pervoi mirovoi voyny (1915 – fevral' 1917 g.): gumanitarno-prodovol'stvennaia problema rossiiskoi provintsii [Refugees of the First World War (1915 – February 1917): humanitarian and food problem of the Russian province]. *Ezhegodnaia bogoslovskaiia konferentsiia Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta = Annual theological conference of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University*, no. 25 (2015): 199–203.
7. Eremin I. A. Deiatel'nost' organov vlasti i obshchestvennykh organizatsii Altaiskogo okruga po razmeshcheniiu bezhentsev i okazaniiu im pomoshchi v gody Pervoi mirovoi voyny [Activity of authorities and public organizations of Altai region on accommodation of refugees and rendering assistance to them during the First World War]. *Problemy istoricheskoi nauki i sotsiogumanitarnoe obrazovanie. Nauchno-metodicheskii al'manakh* [Problems of historical science and social and humanitarian education. Scientific and methodological almanac]. Barnaul: Izdatel'stvo BGPU, Iss. 1 (2002): 74–83.
8. Nam I. V. Chislennost' i natsional'nyi sostav bezhentsev v Sibiri v gody Pervoi mirovoi voyny [Number and national composition of refugees in Siberia during the First World War]. *Istoricheskii opyt khoziaistvennogo i kul'turnogo osvoeniia Zapadnoi Sibiri. Chetvertye nauchnye chteniia pamiati prof. A. P. Borodavkina* [Historical experience of economic and cultural development of Western Siberia. The fourth scientific readings of the memory of prof. A. P. Borodavkin]. Barnaul, 2003, 276–278.
9. Shchetinina A. S. Bezhtentsy i grazhdanskii internirovannyye na iuge Zapadnoi Sibiri (1915–1920-e gg.) [Refugees and the civil internees on the south of Western Siberia (1915–1920)]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University Journal*, no. 4-2 (2007): 177–182.
10. Rynkov V. M. Sotsial'naia mobil'nost' v gody Pervoi mirovoi voyny: spetsifika Aziatskoi Rossii [Social mobility during World War I: specific features of Asian Russia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanitarian sciences in Siberia*, no. 3 (2014): 27–32.
11. Kuz'menko A. S. Sibirskii tyl i "nedobrovol'nye" migranty v gody Pervoi mirovoi voyny [Siberian rear and "involuntary" migrants during the First World War]. *Sibir' v voynakh nachala XX veka: materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma (3–6 dekabria 2013 g.)* [Siberia in wars of the early XX century: Proc. Siberian Hist. Forum (December 3–6 2013)]. Krasnoyarsk, 2014, 119–122.
12. Manturova S. Ch. Sotsial'naia pomoshch' i podderzhka bezhentsev v Zabaikal'e v gody Pervoi mirovoi voyny [Social assistance and support of refugees in Transbaikalia during the First World War]. *Sibir' v gody Velikoi rossiiskoi revoliutsii (k 100-letiiu revoliutsionnykh sobytii v Rossii i periodu Grazhdanskoi voyny i inostranno interventsii): materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* [Siberia during the Great Russian Revolution (to the 100th anniversary of the revolutionary events in Russia and the period of the Civil War and foreign intervention): Proc. All-Russian Sc.-Prac. Conf. with Intern. participation]. Ulan-Ude, 2017, 14–28.

13. Kattsina T. A. Sotsial'naia pomoshch' bezhentsam Vostochnoi Sibiri v period Pervoi mirovoi voiny [Social Assistance to the Refugees of Eastern Siberia during the First World War]. *Rossiiia v mirovom soobshchestve tsivilizatsii: istoriia i sovremennost': IV Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia (1–30 apreliia 2008 g.)* [Russia in the World Community of Civilizations: History and Modernity: IV Intern. Sc.-Prac. Conf. (1–30 April 2008)]. Penza, 2008, 114–117.

14. Rostov N. D., Gorelov Yu. P. Priem bezhentsev v g. Irkutske i Irkutskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny [Admission of Refugees in Irkutsk and Irkutskaya Guberniya in World War I]. *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of ancient technologies*, no. 4 (2015): 86–89.

15. Dvoretzkaya A. P., Zhulaeva A. S., Luschaeva G. M. Refugees in the Rear Area of the World War I (on Example of Enisey's State). *Bylye Gody*, no. 42 (2016): 1360–1367.

16. Kattsina T. A. "Nuzhdaemsia vo vsem": polozhenie vyselentsev Pervoi mirovoi voiny v Vostochnoi Sibiri ["Need everything": position of deportees of World War I in Eastern Siberia]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University*, no. 4 (2013): 204–207.